

«КОГДА СТРОКУ ДИКТУЕТ ЧУВСТВО»

Камунист. - Ереван. - 1990. - 11 декабр.
(К 100-летию со дня рождения Бориса Пастернака)

ВСПОМИНАЯ Бориса Пастернака, современники среди свойственных ему черт характера прежде всего отмечали необычайную искренность и отсутствие славолубия. Стихотворение «Быть знаменитым некрасиво», его категоричное высказывание — «жизни вне тайны и незаметности, жизни в зеркальном блеске выставочной витрины я не мыслю», — это не красивая поза, а лишь констатация собственной жизненной позиции. И, наверно, ему, как никому другому, претил бы юбилейный глянец помпезных восхвалений и торжественных речей. Такие речи произносить тем более легко, что сейчас уже разрешено вместо эшафота, уготованного ему при жизни, «воздвигать памятник».

Пусть же не будет стекла «выставочной витрины», разделяющей меня, рядового читателя, и того, кто шагнул в бессмертие. Пусть это будет скромное слово читательской благодарности тому, кто всегда рядом, кто придет к тебе — только протяни руку к книжной полке. И хотелось бы не просто отписаться, елеяно растекаясь мыслью, ради круглой юбилейной даты, а пригласить, призвать, попросить всех тех, кто верит, что «и дольше века длится день», кому хочется, «как сон при свете солнца, припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо», всех тех, чья душа созвучна творчески переполненной душе «гениального диагностика» врача Живаго, почтить память Поэта, взяв в очередной раз в руки томик его стихотворений, пролистав роман «Доктор Живаго».

Слава богу, прошло то время, когда мы воровато читали слепую ксерокопию романа, отданную под большим секретом на две ночи, и терлились в догадках, из-за каких именно фрагментов роман попал в немилость и что именно не пришлось по вкусу чиновникам от искусства. Прочитав, мы причисляли себя к сонму избранных, потому что остальные, взявшие на веру определение романа как «грязной антисоветчины» и не имевшие возможности убедиться в истинности приклеенных ярлыков, казались духовно обделенными и обворованными.

Теперь роман, вот он. Такой самобытный, непохожий, не вписывающийся в обычный круг наших представлений об эпическом жанре, он уже «разгадывается», вокруг него скрестились копыта литературных критиков. Что это — философский роман, роман в стихах, роман-житие, политический роман, роман-духовная автобиография? Каждый волен по-своему понимать роман, выбирая доступную ему глубину постижения и проникновения в авторский замысел. Главное — опаль-

ный роман на книжной полке, и нам предоставлена возможность восполнить духовную потерю.

Осуждение и клеймение «Доктора Живаго» со стороны одних и боязливая немоча со стороны других — это позорный эпизод из драматической судьбы книги, и он тоже вплется в сюжет романа в качестве предисловия, задающего тональность, в которой должно быть воспринято это произведение. История бытования, опубликования и осуждения «Доктора Живаго» уже заведомо настраивает читателя на то, что ему предстоит прочитать то, что называют «рукописью, которая не горит».

Свое ничто, если оно когонибудь уничтожает, превращается в нечто. Многие благодаря Пастернаку, отыгрываясь на нем, воспринимая его роман как счастливую возможность высказать свою «верность центральным убеждениям», свое ничто превращали в нечто. Выступления по принципу «Я романа не читал, но скажу», — это то самое позорное нечто. В адрес ретивых создателей таких «нечто» Пастернак устами своего героя доктора Живаго мог бы бросить слова: «Единственное живое и яркое в вас это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали».

МАЯКОВСКИЙ как-то сказал Пастернаку: «Вы ищете молнию в небе, я — в электрическом утюге». Вычитанная эта

фраза мне запомнилась, и осталась в памяти Пастернак — человек, ищущий молнию в небе, человек, который умел смотреть в небо. С земли на небо и с неба на землю тоже. Он не ищет, не пишет, не сочиняет слова, он истекает этими словами, как кровью, — «строки с кровью — убивают, нахлынут горлом и убьют». И оттого Цветаева, почувствовав «последнее слово» каждого стиха Пастернака, замечает в письме к нему: «Вы от стиха до стиха умираете», «каждые ваши стихи звучат, как последние».

Поэт вздохнул выплескивает все до дна, как будто собрался уходить навсегда, и тут неожиданно получил право «последнего слова». Каждое его стихотворение — это «последнее слово». И читаешь его «стихи навзрыд» тоже вздохнул. Не чувствуешь руки поэта, выводящей буквы, не чувствуешь сохнувших чернил — нет в стихах усилий творца. Ощущение — не поэт запечатлел на бумаге свои переживания, а сами переживания обладают таким свойством ложиться на бумагу. Поэт просто на просто «следит» своими переживаниями на бумаге.

Тридцатые годы — это средневековые истории, это погубленные жизни, но это и счастливое время, потому что там были такие люди, как Пастернак, уже одним своим существованием разряжавшие окружающий спертый воздух. В эти

годы собственный голос Пастернака замолк, но творчество не прервалось — поэт ушел с головой в переводы. Переводы для него не просто пере-сказы, а это возможность сотворчества с автором подлинника. «Отношения между подлинником и переводом должно быть отношением основания и производного, ствола и отводка», — писал он. «Стволы» поэт выбирал по принципу эмоционального совпадения. Такое совпадение у него произошло и с армянскими поэтами — Пастернак переводил Е. Чаренца, А. Граши. Длительным и близким было его обращение к грузинской поэзии, а вот армянская поэзия ограничилась лишь этими именами. Но и эта малость, удостоверяющая обращенность Пастернака к армянской поэзии, его знакомство с армянскими текстами и готовность пропустить их через себя, возвышает национальную поэзию, обогащает ее историю.

Пастернак-переводчик неотступно рядом с создателем подлинника, его голос всегда слышен, получается какое-то сочетание голосов автора подлинника и автора перевода. «Я ликовал, от слез шалея, и обожал, не вожделея», «на дно твоего непорочного взгляда я сердце свое погружу» — это из переводов стихотворений Ав. Исаакяна. От того ли, что слишком привыкли мы к бытованию поэзии Исаакяна именно на армянском языке, или от силы голоса Пастернака, в переводе получились стихи пастернаковско-исаакяновские. Переводчик не подчинен автору, а существует в тексте в параллельной плоскости. И от этого стихи отнюдь не теряют своего обаяния.

ЗАКРЫВ томик стихотворений Пастернака, проникаешься удивлением: все, что было в тебе, он уже сказал! Он ведь вместил в себя все, пережитое всеми. И так у него все по-своему, что, уверовав в невосполнимость, и неповторимость каждого «я», хочется тоже «жить, думать, чувствовать, любить», свершать открытия» тоже по-своему. Идешь в читательском экстазе не вслед за Пастернаком, а ищешь собственный путь. Подражать Пастернаку невозможно, писать по Пастернаку — тоже. Можно лишь измерять в пастернаках силу человеческой самоотдачи, силу волнения духа и обнаженности чувств. И пока тому, кто именуется человеком, не чужды «размах крыла расправленный, полета вольное упорство, и образ мира в слове явленный, и творчество, и чудотворство», будет существовать такая единица измерения.

И. ПЕТРОСЯН,
кандидат филологических наук.